

вобразаў, для перадачы тонкіх пачуццяў і глыбокіх разважанняў. Паэзія В. Вабішчэвіча характарызуецца ўменнем творцы карыстацца рознымі паэтычнымі формамі. У яго зборніках можна знайсці шмат вершаў, напісаных у кананічных формах. Гэта трыялет, эпітафія, верлібр, рытурнель. Спынімся на рытурнэлях паэта.

Вядома, што рытурнель узнік у італьянскай паэзіі і ў перакладзе азначае прыпеў. Рытурнель – верш з 3-х ці 4-х строф, напісаных трохрадкоўямі. У такім вершы рыфмуюцца толькі першы і трэці радок кожнага трохрадкоўя, прычым, першыя радкі кожнай страфы кароткія і, як правіла, складаюцца з аднаго слова. Закладзеная паэтам думка ў першых радках развіваецца ў наступных.

Рытурнэля ў беларускай паэзіі ў чыста італьянскай форме да В. Вабішчэвіча не было. Першы паэтычны зборнік «Чорны боль» з рытурнэлямі паэта выйшаў з друку ў 2003 г. Класічную форму рытурнэля захавалі вершы В. Вабішчэвіча «Вежы – войнаў сведкі», «Рытурнель Бараці», «Укрыжаванне...», «Рытурнель лёсу», «Чалавек у прыродзе» і іншыя.

«Вежы – войнаў сведкі // Вежы / Пільна глядзяць на гады і стагоддзі – // Бачаць здзічэлыя межы. // Войнаў / Чорных, ліхіх, ненажэрных і дымных / З кожнага зараз даволі. // Сведкі // Гінуць ад думак ахвяры і ката, / Жыць застаюцца так рэдка...» [5, с. 42].

Тэматычны дыяпазон рытурнэляў В. Вабішчэвіча даволі шырокі: філасофскія погляды паэта, гісторыя народа і захапленне навакольным асяроддзем. Напрыклад, рытурнель «Крэва»: «Крэва... / Семя лёсу? Семя здрады? / Разгалосся з Крэва дрэва. // Голас... / Слова цемры? Слова шчасця? / Меч над вокам, тонкі волас. // Космас... / Не прастора і не глыбы. / Гэта наш найлепшы роспіс» [3, с. 39].

Большасць рытурнэляў паэта складаюцца з трох строф, напісаных трохрадкоўямі. Першыя радкі кожнага трохрадкоўя ўтрымліваюць адно слова і рыфмуюцца з трэцім радком.

Вершы «Наіўная мелодыя Тасканы» і «Мроі» В. Вабішчэвіч лічыць рытурнэлямі, хая тут з аднаго слова складаецца трэці радок, а не першы, і рыфмуюцца 1-ы і 2-гі радкі, а не 1-ы і 3-ці. «Зялёнае сонца над белай пустыняй, / Абуджаны звон над забытай святыняй – / Вясна. // Блакітная кветка заснула на снезе, / Прабігае сэрца на лютым абрэзе – / Спакой. // Пунсовае ранне, ружовыя хвалі, / І лёс непахісны кладзецца на шалі – / Прастор. // Вандроўнік ідзе па дзядулевай сцежцы / Насустрэч слязам і лагоднай усмешцы – / Да зор» [5, с. 38] («Мроі»).

Калі верш «Мроі» мае чатыры страфы, што адпавядае класічнай структуры рытурнэля, то верш «Наіўная мелодыя Тасканы» мае дзевяць строф, што супярэчыць класічнай будове гэтага верша. Разам з тым тут варта згадаць адну акалічнасць: у вершы «Наіўная мелодыя Тасканы» ёсць тры дзевяцірадковыя страфы, кожная з якіх складаецца з трох трохрадкавых строф, выступаючы такім чынам як асобны рытурнель. Прычым, думка, закладзеная у кожным папярэднім дзевяцірадкоўі, працягваецца ў наступным. Мы назіраем такім чынам навацыі паэта ў тэхніцы вершаскладання, здольныя выклікаць каларывую гаму пачуццяў.

В. Вабішчэвіч стаў першым беларускім паэтам, які засяў і класічную італьянскую цвёрдую форму верша рытурнель і надаў ёй нацыянальны каларыт. Сучасны майстар плённа працягвае паэтычныя здабыткі сваіх папярэднікаў, чым пашырае жанравыя магчымасці беларускага вершаскладання.

ЛІТАРАТУРА

1. Багдановіч, М. Выбраныя творы / М. Багдановіч. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1996. – 494 с.
2. Вабішчэвіч, В. В. Кахаю і люблю / В. В. Вабішчэвіч. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – 80 с.
3. Вабішчэвіч, В. В. Orbi / В. В. Вабішчэвіч. – Мінск : Канфілда, 2012. – 104 с.
4. Вабішчэвіч, В. В. Уражанне / В. В. Вабішчэвіч. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 60 с.

5. Вабішчэвіч, В. В. Чорны боль / В. В. Вабішчэвіч. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 64 с.
6. Женетт, Ж. Фигуры : в 2 т. / Ж. Женетт ; пер. с франц ; под ред. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
7. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
8. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 282 с.

Балуц Т. В., Чуханова А. В. (Мінск, Беларусь)

ДИХОТОМИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В НАИВНОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА

Согласно антропологическому подходу, признанному одним из доминирующих в лингвистической науке на рубеже XX–XXI веков, центральной фигурой языкового сознания выступает человек. Исследование субъекта сквозь призму языка, определение его места в культурной среде возможно в рамках универсальных оппозиций. Одной из таких древнейших дихотомий, присущих наивному мировосприятию, является «свой – чужой», которая, отражая бинарность устройства мира, «членил представленное о нем на два полюса: проводит грань между миром, воспринимаемым носителем языкового сознания как «свой», близкий, безопасный, оцениваемый положительно, и миром, оцениваемым как «чужой», плохой, опасный» [2, с. 3].

Проблема противопоставления себя, «своих» всему остальному миру – другим, «чужим» – является универсальной, базовой для любой культуры, поскольку лежит в основе самоопределения, самоидентификации народа и имеет вневременной характер. Она свойственна человеческому обществу в любую историческую эпоху (на что указывал в свое время еще Э. Бенвенист) [3], при этом семантическая наполняемость границ «своего» и «чужого» у разных народов не является одинаковой и не остается неизменной. Это обусловлено системой ценностей и нормами поведения и морали, свойственными представителям определенной культуры.

Возникшая на заре развития цивилизации, дихотомия «свой – чужой» неоднократно попадала в поле зрения ученых разных областей знаний, однако первостепенное место в ее исследовании принадлежит ученым-лингвистам. К описанию особенностей мифологического типа оппозиции «свой – чужой» обращались А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, А. Ф. Лосев, А. А. Потебня, Я. В. Пропп, В. Н. Топоров и др. Проблема «своего» и «чужого» как бинарная оппозиция изучалась А. Я. Гуревичем, А. Н. Серебрянниковой, Т. В. Цивьяном; в лингвокультурологическом аспекте – в работах Н. Ф. Алефиренко, И. С. Выходцевой, В. И. Карасика, М. Л. Петровой, Ю. С. Степанова и др.

Несмотря на то, что дихотомия «свой – чужой» довольно-таки широко представлена в научных исследованиях разных научных направлений и школ, отдельные аспекты не попали в поле зрения ученых, в частности малоизученной оказалась оппозиция «свой – чужой» в русской наивной картине мира. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей концептуализации мира сквозь призму указанной дихотомии, получившей отражение в русской паремииологии; в определении семантики «свойственности – чуждости» и языковых средств ее репрезентации. Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки с компонентами «свой», «чужой», извлеченные из сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В. Дала.

Оппозиция «свой – чужой», лежащая в основе обработки знаний о мире и являющаяся знаковой и культурно-специфической по своей природе, по-разному реализу-

ется в наивном сознании разных народов. Однако универсальность этой оппозиции заключается в ее зеркальности, «которая опирается на представления о Я, субъекте, и отражается в любом другом объекте действительности, способном выстраивать относительно себя сферу «своего», относительно «своего» выстраивать «чужое»» [2, с. 7]. При этом «сознание человека проецирует оппозицию «свой – чужой» не только на собственные взаимоотношения с миром, но и на любой другой предмет и его взаимоотношение с реальностью, который попадает в сферу его внимания» [2, с. 9].

Объективация «своего» и «чужого» в русской паремиологии определяется разного рода отношениями, в которые вступает человек на протяжении своей жизни: пространственными, бытовыми, семейными, языковыми, религиозными и др. Остановимся на тех из них, которые наиболее ярко иллюстрируют представления русского народа об окружающей действительности в аспекте оппозиции «свой – чужой».

Познавая мир, человек постепенно пытался определить для себя границы «своего» и «чужого», тем самым структурировать данные понятия. Если говорить об организации жизненного пространства русским человеком, то к полюсу «свой», по данным паремиологии, примыкают как наименования собственного жилища – лексемы дом, изба (Свой дом не чужой: из него не уйдешь; Он тут (дома) свой, как цыган на конной; Хорошо в гостях, а дома лучше; В своей хате и углы помогают; Своя избушка – свой простор; В своем дому, хоть болячкой сяду, нет дела никому), так и составляющих его элементов – печь, угол, потолок, порог, забор (На своей печи – сам себе голова; Свой уголок всего краше; В своих углах не староста указчик; Свой уголок – хоть боком; пролезть, а все лучше; Всяк береги свой потолок; Всякая изба своим потолком крыта, своей крышей повершена; Не садись под чужой забор – а хоть в крапивку, да под свой).

Как видно из приведенных пословиц, «свое» пространство – это территория, на которой человек чувствует себя защищенным от внешнего мира, свободным, имеющим право на личную жизнь.

«Чужое» пространство в русской паремиологии также представлено компонентами дом, изба, их структурными элементами и окружением – стены, потолок, гумно, загородь, забор, двор, хлев, огород, пруд, амбар (В чужой дом ни за чем зашел, чужую вещь невзначай унес; Чужая изба засидчива; Чужие стены не греют; Под чужой потолок подведут, а другое имя дадут; На чужом гумне нет корысти мне; В чужой загороди скота не наплодишь; По чужим дворам ходить (то есть просить, собирать); В чужом хлеву овец не считают; В чужой огород не пустят козла полоть; Прогнали Варвару из чужого амбара; В чужой прудок не кидай неводок!).

Как видно из приведенных примеров, границы «чужого» значительно расширены: они выходят за рамки дома, охватывают еще и дворовую территорию. Таким образом, согласно паремиологическим данным, в большинстве случаев «чужое» пространство – это чуждое человеку место, где ему некомфортно и опасно находиться, где нет свободы перемещения и свободы действий.

Противопоставление «своего» пространства «чужому», в сущности данной дихотомии наблюдается в пословицах: Свой дом не чужой: из него не уйдешь; Не садись под чужой забор – а хоть в крапивку, да под свой; В чужом доме побывать – в своем гнилом бревне увидеть.

Отношение человека к родине (родной земле) и чужбине (чужой земле) также выявляется сквозь призму оппозиции «свой – чужой». Так, к левому полюсу дихотомии примыкает концепт «родина», а правому – «чужбина». Нет ничего дороже родной земли: (Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; Свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов; Дома все споро, а в чуже житье хуже; Скучно Афонюшке на чужой стороншке). Встретить что-то родное на чужбине является большой радостью (Родная

земля и в горсти мила; На чужой стороншке рад своей вороншке). Чужая сторона таит в себе опасность, она враждебна и непредсказуема, поэтому не следует покидать родную землю (Чужую сторону хвалит, а сама туда ни ногою; Чужбина не по шерсти гладит; Чужая сторона прибавит ума; На чужой стороне обтолкнут бока; Хвали заморье, а сиди дома!).

В паремиологическом фонде русского языка широко представлены пословицы, отражающие характер бытовых отношений сквозь призму оппозиции «свой – чужой». Так, недопустимым считается взять чужое или на него претендовать (На чужое богатство не надейся, свое береги!; На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай да свой затевай; На чужом жиру (т. е. добре) недалеко уедешь; На чужую кучу нечего глаза пучить; За чужим добром не гоняйся с багром!; На чужой лошадке не наездишься; Чужая одежда не надежа; Не разводи усок на чужой кусок!; Не надейся, дед, на чужой на обед; Чужой мед горек; Чужой хлеб рот дерет), поскольку за чужой счет богатым не станешь (Чужим богат не будешь; Чужим добром не разживешься; Чужая пожива не разжива; Чужое добро не впрок; Чужим умом не скопить дом). Народная мудрость гласит, что правильным считается иметь свое и всего достигать самому (Не шевель чужой шавель, а свой набери, да как хошь шевели!; Не дери (не выголяй) глаз на чужой квас, а пораньше вставай да свой затирай; Живи всяк своим добром (своим умом) да своим горбом!; Лучше свое отдать, нежели чужое взять), поскольку от чужих нажитков не нажить пожитков; Чужим хлебом да чужим умом недолго прожить.

Неоднозначное отношение к «своему» и «чужому» имуществу получило отражение в русских паремиях. Так, с одной стороны, народная мудрость учит бережному отношению как к «своему», так и к «чужому» (Чужое береги, а свое бережется само; Каждая лиса свой хвост береги); а с другой стороны, поучает беречь или только «свое» (Конь не свой, погоняй, не стой!; Свое добро в горсточку собирай, чужое добро сей, рассевай!; Своего коня шлепком, чужого коня круляком; Чужое веретене бери, да свое припаси!), или только «чужое» (Не береги свое, береги чужое), поскольку Чужое добро страхом огорожено; Пожалеешь чужое – даст Бог свое).

Объективация семейных отношений, занимающих значимое место в жизни любого народа и имеющих богатые культурно-исторические традиции, также прослеживается в рамках исследуемой оппозиции. Проведенный анализ паремий о семье позволил установить, что «чужой» в наивном представлении русских – это человек дальний, незнакомый, которому не доверяешь и который, как следствие, может сделать тебе плохо, обидеть (Чужа одежда не надежа, чужой муж не кормилец). В противоположность «чужому» «своими» являются родственники, близкие, друзья, люди, которые тебя понимают и которым можно доверять (Всякому мужу своя жена милее; Всякому свое мило (любо и дорого); Свое дитя и горбата, да мило; Всякому свое и не мыто бело; Всяк за своих стоит (а один бог за всех); Свой своему лежа помогает).

Таким образом, проанализированный нами материал указывает на неоднозначное отношение русских к «своему» и «чужому», что обусловлено, вероятно, особенностями менталитета народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 1–2.
2. Петроченко, М. Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Петроченко. – Томск, 2005. – 23 с.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русск. культ., 1997. – 824 с.